

Заговоръ и колдовство на Руси въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Въ Московскомъ Архивѣ М. Юстиціи хранится цѣлый рядъ дѣлъ, касающихся колдовства и знахарства *). Эти судебныя бумаги заключаютъ въ себѣ во многихъ случаяхъ запись заговоровъ, этого необходимаго орудія вѣдовства: поэтому онѣ могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для исторіи заговора на Руси, особенно для выясненія тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ распространялся и развивался заговоръ.

При изученіи вышеназванныхъ судебныхъ дѣлъ передъ изслѣдователемъ открывается яркая картина такого быта, необходимою принадлежностію котораго былъ заговоръ. Историческія показанія свидѣтельствуя о томъ, что съ одной стороны за заговоромъ признавали спасительную силу, избавляющую отъ болѣзни, неудачи и бѣды и прибѣгали къ нему въ различныхъ жизненныхъ случаяхъ; съ другой стороны заговоръ считали опаснымъ, „еретическимъ“ орудіемъ, такъ какъ онъ могъ погубить человѣка, и потому настаивали на уничтоженіи его въ лицѣ его знающихъ. Но какой бы ни былъ заговоръ, его заучивали и употребляли, какъ во спасеніе, такъ и на погибель.

Такимъ образомъ и положительная и отрицательная сторона заговора вызывала желаніе обладать имъ: желаніе это приводили въ исполненіе, вслѣдствіе чего заговоръ былъ хорошо знакомъ всѣмъ слоямъ общества; всѣ сословія признавали его значеніе и не относились къ

---

*) Большая часть этихъ дѣлъ напечатана Томскимъ профессоромъ Н. Я. Новомбергскимъ въ его сборникахъ: „Колдовство въ Моск. Руси 17-го в.,“ (дѣла Новгор. Моск. Бѣлгород. столовъ); „Матеріалы по исторіи медицины на Руси“ 4 тома (дѣла Приказнаго и др. столовъ); „Слово и Дѣло Государевы“ 2 тома (дѣла Преображенск. прик. и др.).

нему безразлично. Мало того, что знали заговорныя слова, знали и то, что съ ними должно въ большинствѣ случаевъ соединяться извѣстное дѣйствіе, что нѣкоторые предметы въ связи съ заговоромъ получали благотвѣтельную или вредоносную силу. Наконецъ, знали и то, что губительный заговоръ могъ издалека настигать свою жертву. Такое знаніе было не только частнымъ, но и общепризнаннымъ: Правительственнымъ требованіемъ было, чтобы, присягая царю, клялись не прибѣгать къ заговору и также къ дѣйствіямъ и предметамъ, съ нимъ связаннымъ. Въ подкрестной записи еще 16-го в. на вѣрность царю читается: „Также мнѣ надъ Государемъ своимъ въ ѣствѣ и питъѣ, ни въ платѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити... на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати и слѣду не выимати“¹⁾.

Судебныя дѣла послѣдующихъ лѣтъ показали, что какъ разъ пища, питье, одежда и слѣдъ человѣка чаще всего служили проводниками губительной силы заговора. Заговоры передавались изустно, а иногда и посредствомъ письма; какъ тѣ, такъ и другіе имѣли присущія имъ особенности, по которымъ и опознавались, причѣмъ опознавались не только свѣдущими людьми, но почти каждымъ услышавшимъ или прочитавшимъ ихъ: таково было знаніе заговоровъ. Богородицкій попъ Давидъ²⁾ билъ челомъ ц. и в. к. Феодору Алексѣевичу на Мишку Кирѣева и на жену его Аринку въ порчѣ его дочерей, указывая, что послѣ словъ ея „чтобъ-де бы имъ до замужества тѣми руками ни ткать, ни прясть“ дѣвушки заболѣли. Волхвъ-коновалъ Дороеей Прокофьевъ былъ сожженъ въ срубѣ за то, что по свидѣтельству разныхъ людей „заговорными словами по вѣтру напускалъ“ на царя Петра Алексѣевича въ подмосковномъ селѣ Хорошовѣ. Вѣра въ слово была глубока въ народѣ; слову приписывали внутреннюю силу, которая могла оказывать вліяніе иногда даже помимо желанія человѣка, его произносившаго; произносимое же съ извѣстнымъ намѣреніемъ, оно какъ бы усиливалось въ своемъ вліяніи и становилось опаснымъ орудіемъ.

Каковы же были эти устные заговоры, ходившіе въ разныхъ слояхъ Русскаго общества въ 17 вѣкѣ? Не было ли какойнибудь опредѣленной разницы между городскимъ и сельскимъ загово-

¹⁾ Акты Археограф. экспедиціи т. II, стр. 57. 94. 102.

²⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. столь № 826 л. 81—96.

ромъ? Судебныя бумаги даютъ нѣкоторую возможность отвѣтить на эти вопросы уже потому, что онѣ подробно описываютъ, въ какой обстановкѣ и при какихъ обстоятельствахъ произносился тотъ или другой заговоръ, кто и съ какой цѣлью прибѣгалъ къ волшебной заговорной рѣчи и тщательно излагаютъ ихъ. Эта тщательность записи объясняется тѣмъ, что „заговорныя“ рѣчи были исходной точкой судебного дѣла и воздѣйствовали на его окончательное рѣшеніе. Если устанавливалось, что заговорныя рѣчи были причиною болѣзни или смерти, онѣ опредѣлялись, какъ вредоносныя и навлекали на знающаго ихъ суровую кару. Но, различавшіеся по своей внутренней силѣ, устные заговоры со внѣшней стороны по своему строенію были похожи между собою: по ббльшей части они отличались несложностью содержанія и краткостью изложенія; это простое, но опредѣленное выраженіе какого нибудь желанія, иногда усложненное сравненіемъ: „чтобъ-де бы имъ до замужества тѣми руками ни ткать, ни прясть“¹⁾; „какъ мертвый не встаетъ, такъ бы онъ не вставалъ; какъ у того мертваго тѣло пропало, такъ бы онъ пропалъ вовсе“; „каковъ-де тяжелъ столбъ, такъ-де бы и попадѣ было тяжело“²⁾; „какъ духъ по свѣту ходить, такъ и ты бы отошелъ по свѣту“³⁾; „какъ люди смотрятся въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену, да не насмотрѣлся; какъ-де тоѣ соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ“⁴⁾. Простота приведенныхъ заговорныхъ реченій заставляетъ предполагать, что многія изъ нихъ составлялись тотчасъ же, какъ только въ нихъ являлась нужда и представляли собою непосредственное отраженіе того или другого душевнаго состоянія. Такое заговорное реченіе въ большинствѣ случаевъ связывалось съ какимъ нибудь дѣйствіемъ; такъ заговоръ на погибель челоувѣка соединялся съ хожденіемъ на могилу за землю: „ходила... Овдошка ночью на погость, имала съ могилы землю и ту землю съ приговоромъ давала пить“⁵⁾... „Аринка украла у попады кокошникъ, да подубрусникъ..... свекровья ея велѣла положить подъ столбъ и говорить: „каковъ-де тяжелъ столбъ, такъ-де бы и попадѣ было тяжело“.

Повидимому и дѣйствіе при заговорѣ не отличалось сложностью и совершалось въ узкихъ предѣлахъ повседневнаго быта съ помощью предметовъ, по существу совершенно безопасныхъ. Между тѣмъ дѣйствіе

1) А. М. Ю. Бѣлгородск. столъ, ст. 826 л. 81—96.

2) Ар. М. Ю. Бѣлгород. ст. № 284 л. 425—447.

3) Ар. М. Ю. Приказный столъ ст. № 1225.

4) Новомбергскій: Колдовство въ М. Руси 17 в. ст. 121.

5) Ар. М. Ю. Бѣлгородск. столъ № 284 л. 391—418.

при заговорѣ подобно сопровождающимъ его рѣчамъ по внутреннему своему значенію было опаснымъ и страшнымъ и трудно рѣшить, что пугало больше, слова или дѣйствія, совокупность ли ихъ. Нѣкоторые поступки и безъ заговорнаго реченія являлись страшными по ихъ слѣдствію; вышеупомянутый попъ Давыдъ такъ жаловался въ судъ: „Объявились у меня... въ избѣ за потолокомъ въ углу заткнуты коренья и земля“... И въ распросѣ обвиняемый сказалъ: „Затыкалъ за потолокъ... для того, чтобъ онъ попъ Давыдъ со всею семьею сохли и отъ той сухотной болѣзни они померли“¹⁾. Крестьянинъ идетъ къ воеводѣ съ жалобой на то, что „... онъ Тимошка о свадьбѣ испортилъ его сына... Мишку... вышелъ изъ своихъ воротъ и кинулъ подъ него щепку“...²⁾. Розыскное дѣло въ Преображенскомъ идетъ по поводу того, что „Петрова-де жена Волынскаго Авдотья еретица какъ была вдовою, ходила въ Преображенское... и вынимала Государевъ слѣдъ землю... до перваго до Азовскаго похода по присылкамъ изъ Дѣвичья монастыря отъ царевны Софіи Алексѣевны... Съ приставомъ приводятъ „разорителя и волшебника“ на Луки Великія, на котораго бьютъ челомъ въ томъ, что онъ разорилъ насъ, холопей твоихъ заюмалъ... въ отчѣмъ... сельцѣ... рожь“⁴⁾. Крупное и затяжное дѣло возникаетъ изъ-за того, что дворцовая мастерица Дарья Ламанова „зженныя своей рубашки пепель сыпала наслѣдъ государыни царицы и великія княгини Евдокеи Лукьяновны“⁵⁾, изъ-за чего произошла „въ ихъ государскомъ здоровѣ помѣшка“. Несложность волшебнаго дѣйства и простота сохранившихся заговорныхъ реченій очевидно могутъ быть объяснены тѣмъ, что какъ то, такъ и другое должны были свершаться быстро, украдкою, подъ страхомъ кары: не было времени усложнять дѣйствія и рѣчи, приходилось выбирать такія слова и совершать такія поступки, которые своего опредѣленностью и отчетливостью прямо бы вели къ цѣли.

Но приведенныя краткія заговорныя реченія не исчерпываютъ всѣхъ устныхъ заговоровъ, судебныя дѣла сохранили и такія, которыя отличаются большею сложностію; такъ напр. записаны при судебномъ допросѣ слѣд. устные заговоры отъ болѣзни: „На морѣ окіяня, на островѣ Буянѣ стоитъ сыръ дубъ крѣпковистъ, на дубу сидитъ чернь воронъ, во рту держитъ пузырь и слетаетъ съ дуба на

¹⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. столъ № 826. л. 81—96.

²⁾ А. М. Ю. Бѣлгор. стол. № 284 л. 425—447.

³⁾ Новомбергскій: Слово и дѣло государевы стр, 17. 19. т. II.

⁴⁾ Новомбергскій: Матеріалы по истор. медиц. въ Рос. т. IV. с. 263.

⁵⁾ Новомбергскій: Коддовство въ М. Р. въ 17 в. с. 127.

море, а самъ говоритъ: ты пузырь въ водѣ наливайся, а ты кила у него развѣмайся“¹⁾, или „Утиши самъ Христось въ челоуѣкѣ болѣзнь сію, да Уваръ Христовъ мученикъ, да Иванъ Креститель, да Михайла Архангелъ, да Тихонъ святой“²⁾. Здѣсь мы уже имѣемъ одинъ заговоръ, снабженный эпическимъ введеніемъ, другой, облеченный въ молитвенную рѣчь; какъ одно, такъ и другое осложненіе указываютъ на извѣстную обработку заговора и позволяютъ предположить, что устные заговорныя реченія были неодинаковы и размѣры ихъ такъ же, какъ обработка, зависѣли, вѣроятно, отъ лица и случая. Лица, хранившія заговоры, употреблявшія ихъ и обучавшія имъ разнообразны. Судебныя дѣла всегда точно обозначаютъ, кѣмъ былъ произнесенъ заговоръ и отъ кого онъ ведетъ свое начало, иными словами возстановляютъ путь заговора. Это возстановленіе производилось допросомъ и пыткой и показанія, иногда ложныя, вслѣдствіе растерянности и страха, въ большинствѣ случаевъ вскрывали картину распространенія заговора и обрисовывали тѣхъ, кто обладалъ знаніемъ волшебныхъ рѣчей. Судебныя дѣла 17 в. свидѣтельствуютъ, что волшебство и заговоръ не были принадлежностію непременно одного какого нибудь опредѣленнаго круга людей или какой нибудь отдѣльной личности; заговоръ былъ нуженъ и въ городѣ, и въ деревнѣ, при царскомъ дворцѣ и въ крестьянской семьѣ, при удобномъ случаѣ ему всѣ учились, и весьма многіе его знали. Заговоръ хранился въ семьяхъ: мать передавала его дочери, свекоръ или свекровь невѣсткѣ, сестра сестрѣ; волшебныя слова и дѣйствія передавались между односельчанами; иногда учителями были иногородцы: „Голова Василій Павловъ купилъ бабу Татарку ворожею“, которая узнавала будущее по рукѣ. „А въ роспросѣ Марѣица говорила... учила-де ее волшебству Шацкаго уѣзда села Брехова новокрещенныя Мордовки Наровка, да Улевка“³⁾. Заговору могъ выучить случайно прохожій челоуѣкъ „...а съ пытки онъ (Иванъ Мучниковъ) говорилъ... училъ всякому волшебству на Дюдиловъ кружечнаго двора голову Микитку Лукьянова крикотѣ и всякой порчѣ... На *Каширѣ* подъячаго Васку Микулина, да казачья сына Панку Микулева икотѣ и къ женкамъ привороту и всякому волшебству. На *Коломнѣ* посадскаго челоуѣка Ивашка Ананьина всякому волшебству. Въ *Серпуховѣ* посадскаго челоуѣка Левку Усова, да Высоцкаго монастыря служку Якушка Максимова всякому чародѣйству“⁴⁾; незнакомые между собою люди

1) Новомбергскій: Колдовство въ Мос. Руси 17 в. стр. 66. Еще стр. 99, см. Приказ. столбецъ № 564. л. 219.

2) Новомбергскій: Колдов. въ М. Руси 17 в. стр. 123.

3) Арх. М. Ю. Москов. столѣ. приказ. столб. № 861.

4) Ар. М. Приказ. столѣ ст. № 416 л. 149—161.

могли при случаѣ выучиться другъ у друга заговору: ...„а учился я-де Терешка тому дурну на Волгѣ на судахъ, слыхалъ у судовыхъ ярыжныхъ людей, а на чьихъ судахъ на Волгѣ и въ которомъ году и у кого именемъ хаживалъ, того-де я не помню“¹⁾. Бывали и такіе случаи, что кто нибудь придумывалъ заговоръ и пользовалъ имъ, не обучая ему никого: и Нестерка сказалъ: „тѣ-де стихи даны ему отъ Бога, просто никто-де его Нестерку не учивалъ, и людей самъ онъ Нестерка... никого не учивалъ“²⁾. Волшебное знаніе давалось видѣніемъ: „и баба Дарьца въ роспросѣ сказала: ... „і въ церкви-де было ей привидѣнье, пришелъ к ней старъ мужъ и сказалъ ей, чтобъ она угадывала всякимъ людямъ, что кому надобно“³⁾. Достаточно составить краткій перечень лицъ, упоминаемыхъ судебными дѣлами, какъ хранителей заговорнаго знанія, чтобы убѣдиться, какъ оно было распространено въ разныхъ сословіяхъ: дворцовая боярыня, священникъ, скотникъ, боярскій сынъ, работница—всѣ запасались волшебнымъ орудіемъ и при случаѣ пользовались имъ. Къ человѣку, извѣстному своими волшебными знаніями шли за помощью люди разныхъ положеній и состояній. Такъ къ бабѣ Дарьцѣ села Володятина Дмитровскаго уѣзда, извѣстной своимъ искусствомъ ворожить, присылали бояре и ихъ жены и даже по ея словамъ „Царь Борисъ Ѳедоровичъ, какъ былъ в правителех и отъ него-де присланъ кней былъ дворянинъ Микиѳоромъ звали, а чей сынъ и прозвище того не упомнить и тотъ-де дворянинъ загадывалъ быть ли-де Борису Ѳедоровичу на царстве...“⁴⁾.

Кромѣ заговоровъ, выраженныхъ въ опредѣленномъ видѣ желанія, смыслъ и значеніе заговора имѣли также угрозы и похвальныя рѣчи, если ихъ слѣдствіемъ были болѣзнь или смерть того, къ кому онѣ относились. Такія рѣчи также заносились въ судебныя бумаги, и на ихъ основаніи строилось обвинительное рѣшеніе. Некрасова жена Дарьца „на того Евтифѣя похвалилася: и сдѣлаю-де его такова черна, какъ въ избѣ черенъ потолокъ и согнется такъ, какъ серпъ согнулся“. „И послѣ-де той Дарьциной похвалки тотъ Евтющка заболѣлъ вскорѣ, и три года ходя сохъ и сохши умеръ“⁵⁾. Та же Дарьца сказала: „что-де Ѳедька у меня корчится, а и Лукьяну Ѳедотову сыну корчиться у меня также“, „оборочу-де я ихъ (братьевъ Ѳурсовыхъ) вверхъ носомъ и будутъ-де они у меня въ четырехъ углахъ“... Ѳедька заболѣлъ, а

¹⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. столъ ст. 284. л. 291—418.

²⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. столъ ст. 768. л. 54—55.

³⁾ А. М. Ю. Прик. ст. О 564 л. 211.

⁴⁾ А. М. Ю. Приказный столъ, столбецъ 564. л. 211.

⁵⁾ Арх. М. Ю. Бѣлгород. столъ № 284.

братья слегли и, полежавши немного, померли. Похвальбы Дарьицы были точно воспроизведены въ судебныхъ бумагахъ, подобно заговорнымъ реченіямъ. Помѣщикъ бьетъ челомъ ц. г. и в. к. Алексѣю Михайловичу на то, что „похвалялся человекъ мой Ивашка Рыжій... хотя-де бояринъ мой каковъ нибудь на меня сердить будетъ, а я-де поговорю идучи на сѣни,.. а онъ-де мнѣ ничего не учинить“¹⁾... Въ этомъ случаѣ были и похвальба, и заговоръ („поговорю“), о которомъ Ивашка на пыткѣ сказалъ, что наученъ ему Сѣвскимъ стрѣльцомъ.

Устную заговорную рѣчь все таки было трудно записать въ судебную бумагу, такъ какъ обвинитель не всегда ее помнилъ, а обвиненный не всегда въ ней признавался; поэтому часто въ судебныхъ спискахъ излагается какое нибудь дѣйствіе, признанное колдовскимъ безъ передачи „еретическихъ“ рѣчей: „А въ роспросѣ Марѣица говорила: свекру своему Харитону и свекрови Маланѣ и мужу своему Ѳедору въ постелю клала уголь, да глинки кусокъ, да съ коноплычка, и мышъ мертвую и всякаго хлѣба зерна... чтобъ до нея свекоръ и свекровь и мужъ были добры“²⁾ Въ приведенномъ примѣрѣ можно видѣть, что самые незамысловатые предметы пріобрѣтали значеніе волшебныхъ, очевидно вслѣдствіе соединенія ихъ съ заговорными словами. Нѣкоторымъ травамъ и корнямъ усвоились таинственныя силы, о чемъ знали многіе и пользовались этимъ:... „Ходилъ онъ Тимошей за Москву рѣку, за Воробьевскую рощу... и вырылъ два корешка травные... далъ... и сказалъ: буде кто тѣ корешки носить при себѣ. и до того люди добры бываютъ“³⁾. Было ли въ томъ и другомъ случаѣ нужно какое либо заговорное реченіе, судебный списокъ не говоритъ: очевидно воровскія рѣчи здѣсь не были узнаны. Но если трудно уловимый устный заговоръ все-таки не могъ совершенно избѣжать закрѣпленія своего на столбцахъ судебныхъ дѣлъ, то тѣмъ болѣе не удавалось это заговору, хранившемуся въ письмени. Его легче было захватить у обвиненнаго; рассмотреть и описать. Поэтому-то свѣдѣнія о письменномъ заговорѣ, получаемыя изъ списковъ судебныхъ дѣлъ въ достаточной мѣрѣ полны и разнообразны. Прежде всего изъ судебныхъ списковъ мы знакомимся со внѣшнимъ видомъ „воровскихъ писемъ“, — такъ обычно выражаются судебныя дѣла 17 в. Описаніе дается тщательное. Это или столбцы, или листки, или тетради бумаги разнаго размѣра; тетради во многихъ случаяхъ переплетались въ кожу, или

¹⁾ Ар. М. Ю. Приказ. столъ ст. № 567 л. 202—206.

²⁾ Ар. М. Ю. Приказ. столъ, ст. № 861.

³⁾ Арх. М. Юс. Приказ. столъ, ст. № 861.

обшивались ею. Запись зачастую снабжалась рисунками, очевидно, имѣвшими связь со словами. „На тетрадкахъ изображенные кресты осмиконечные и четвероконечные. и змии и прочее“¹⁾. „Тетрадь въ поддесть... на последнемъ листу написанъ крестъ вкругу, а втомъ кругу и около писано: святой Боже, св. Крѣпкій, св. Безсмертный, помилуй насъ“²⁾... „въ письмахъ заговоръ на столбцѣ... Русскаго письма Полскаго нарѣчія“³⁾... „тетрадка въ четверть, въ ней писанныхъ пять листовъ, а писано статейками строки по три и по четыре, знатно гадательныя рѣчи, а на поляхъ противъ тѣхъ статейкъ писаны въ графикахъ оники маленькіе по двѣнадцати и больши и меньши... писаны заговорныя и приговорныя рѣчи... шесть столпцевъ большихъ. да три по четверти столпца. да пять столпцевъ на сдиркѣ писаны... приличныя къ ворожбѣ рѣчи“⁴⁾. Описавъ внѣшность „воровскаго письма“ приказный дьякъ переходилъ къ содержанию и давалъ ему опредѣленіе, причемъ не ошибался въ описаніи рукописи; онъ точно различалъ, которая литературнаго, дѣебнаго, заговорнаго или просто безсмысленнаго содержания. „А по досмотру въ той книжке писано о Бове королевиче“⁵⁾... „въ тѣхъ его Петровыхъ письмахъ написано недѣпожъ“⁶⁾. „Во 2-омъ письмѣ знатно заговоръ: огражаютъ его ангелы Михайло и Гавриилъ тыномъ желѣзнымъ отъ земли до небеси. А къ чему тотъ заговоръ, того познать не почему, потому что конца не дописано“. Очевидно дьякъ судить о заговорѣ по внѣшнему строенію рѣчи. Особенности внѣшняго построения заговоровъ настолько были хорошо знакомы, что если онѣ примѣнялись къ произведенію другого характера, то тотчасъ же распознавались... „писанъ сонъ Богородицы заговоромъ на имя его же попа Андрея“ и тотчасъ же приводятся тѣ слова, которыя придають написанному заговорный оттѣнокъ. Не одни дьяки умѣли различать и опредѣлять „воровскія письма“, съ ними были знакомы люди разныхъ сословій и при случаѣ, подобно приказнымъ дьякамъ, безошибочно опознавали ихъ. У садовниковой жены Ѳеодорки 15 дѣтъ въ коробѣѣ лежала неизвѣстно кѣмъ подкинута тетрадка въ 15 листовъ небольшихъ, обшита въ кожу, и что въ ней было написано Ѳеодорка не знала, но вотъ въ „великій постъ въ дому мужа ея молодъ солодъ гуляцій человекъ Ивашко и, увидя тетрадку, по-

1) Дѣло Св. Синода № 211/269.

2) А. М. Ю. Приказ. столъ № 734.

3) Ар. М. Ю. Приказный столъ № 1133. л. 176—199.

4) Ар. М. Ю. Приказ. ст. № 734 л. 168.

5) Новомбергскій: Слово и Дѣло Государев. т. II. стр. 8.

6) Ар. М. Ю. Преобр. Прик. оп. 288. д. 1035.

смотрѣлъ, отдалъ и сказалъ: бѣда де твоя, что ты такую тетрадку у себя держишь, не бралъ ли де кто у тебя ее списывать: и буде не бралъ и ты де ее брось или сожги; а буде ее кто бралъ и списывалъ, и тебѣ де того дѣла просто поставить нельзя, возвѣсти де про то отцу своему духовному, это де дѣло страшное¹⁾... „въ прошломъ во 178 году билъ челомъ и извѣщалъ Иванъ Леонтьевъ сынъ Лаптевъ; поднялъ онъ Иванъ на дорогѣ къ Никольскому письма вражьи“²⁾. Не умножая примѣры, можно сказать, что письменный заговоръ былъ не менѣе устнаго хорошо извѣстенъ въ 17 в. людямъ различныхъ слоевъ общества и его боялись настолько, что всякій исписанный клочекъ бумаги, а тѣмъ болѣе письмо, тетрадь являлись поводомъ къ обвиненію человека въ волшебствѣ:... „привель на Елецъ въ приказную избу губный цѣловальникъ... человека съ книжкою... и тотъ приводный человекъ съ тою книжкою... роспрашиванъ“³⁾. Написанный заговоръ зашивали въ шапку носили на себѣ:... „а онъ де Андрей тѣ письма, зашивъ въ шапку, носилъ съ собою для того, чѣ. ему отъ людей во всякихъ дѣлахъ было счастье“⁴⁾... „а была де та книжка на немъ Гаврилѣ“...⁵⁾. Письменные заговоры отнимались у обвиненныхъ и прикладывались къ судному дѣлу; но такъ какъ окончательный приговоръ обрекалъ ихъ на уничтоженіе, то значительное количество ихъ (судя по дѣламъ о волшебствѣ) пропало безслѣдно. Обычное заключеніе, рѣшавшее судьбу писаннаго заговора, было таково: „а воровскія письма, его руки ежечь у него на спинѣ, чтобъ впредь неповадно было такимъ воровскимъ заговорамъ учиться и писать“. Лишь случай, какъ напр. въ дѣлѣ № 1133 Приказнаго стола сохранилъ какимъ то образомъ точныя записи заговоровъ, сдѣланныя разными почерками, на разныхъ по размѣру листахъ бумаги. Нѣкоторые заговоры сохранились въ столбцахъ, переписанные дяками⁶⁾, или же изложенные ими въ косвенной рѣчи, или просто перечисленные по содержанію⁷⁾. Обладаніе письменными заговорами влекло за собою различныя наказанія, включая сюда и сожженіе виновнаго въ срубѣ и все таки, не смотря на страхъ тюрьмы, кнута, смерти, „воровскими письмами“ пользовались широко и списывали ихъ для своего употребленія при всякомъ удобномъ слу-

¹⁾ Новомбергскій: Слово и Дѣло Государевы т. II, стр. 24. Дѣло Преоб. Прик. оп. 288. д. 796.

²⁾ Арх. М. Ю. Приказ. ст. ст. № 1006.

³⁾ А. М. Ю. Пр. ст. № 1091.

⁴⁾ Новомб. С. и. Д. Г. стр. 89.

⁵⁾ Новомб. М. по ист. Мед. на Руси т. IV. стр. 280.

⁶⁾ Приказн. столъ ст. № 653, у Новомб. Матер. по ист. мед. т. IV. с. 197—200.

⁷⁾ Приказ. ст. № 734.

чаѣ. „А съ пытки Петрушка Поповъ... говорилъ... что то воровское письмо писалъ со словъ гулящаго человѣка Артюшки Плохова на имя Петрушки Карифева у брата его... въ банѣ“¹⁾. „И тотъ волшебникъ Прохорка Козариновъ въ роспросѣ сказалъ... что де писалъ... волшебное письмо онъ Прохорка у того у Левки“²⁾. Мишка Свашевскій... „списывалъ... тѣ черныя книги съ тѣхъ книгъ, каковы были у боярина у Артемона Сергѣевича Матвѣева“³⁾. Судебное слѣдствіе, стараясь дознаться, откуда списанъ тотъ или другой заговоръ, привлекало къ допросу многихъ людей и изъ показаній ихъ отчетливо выясняется, что „еретическія письма“, подобно устному заговору, распространялись среди самаго разнообразнаго общества и иногда совершенно случайно попадали въ руки обвиненныхъ. Начиная съ боярина и кончая гулящимъ человѣкомъ, каждый могъ имѣть „воровское письмо“ и употреблять его по своему усмотрѣнію. Изъ судебныхъ бумагъ можно видѣть и то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ устный заговоръ ложился въ основу письменнаго. Заговоръ записывался со словъ, а потомъ уже переписывался и хранился не въ памяти, а на бумагахъ... „да у него жъ Артюшки тѣмъ заговоромъ учился заговаривать Козельскаго уѣзда села Коробокъ помѣщикъ... Булгаковъ и тѣ заговоры... *списывалъ со словъ* его Артюшковыхъ..., а перенялъ ли де онъ... тотъ воровской заговоръ или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ“⁴⁾. И этотъ гулящій человѣкъ Артюшка (какъ видно изъ дѣла) свои, хранимые имъ въ памяти, заговоры продиктовалъ многимъ и его „воровскія“ рѣчи разошлись уже въ тетрадкахъ и столбцахъ. Въ судебномъ изложеніи обращаетъ между прочимъ на себя вниманіе отмѣта „писалъ“ или „писанъ“ заговоръ „на имя такого-то“. Это *писаніе на имя* являлось доказательствомъ того что тотъ, на чье имя былъ писанъ заговоръ владѣлъ имъ сознательно т. е. зналъ его значеніе и употреблялъ его съ цѣлію. Когда разсматривали книжку, взятую на Гаврилъ Чефраковъ, а онъ отрицалъ свои „воровскія“ знанія и употребленіе этой книжки съ опредѣленными намѣреніями, однимъ изъ оправдательныхъ обстоятельствъ явилось то, что... „писался въ тѣхъ заговорныхъ рѣчахъ рабомъ Божиимъ „Андрей“, а въ иныхъ во многихъ мѣстахъ... имя перечищено и приписывано имя Родіоново“. Отсюда понятно почему пытаемый заявлялъ: „писалъ на одно Петрушково имя Корифева, а на Ивашково имя не писалъ“⁵⁾, такимъ заявленіемъ онъ отрицалъ, что онъ распространялъ заговоръ.

¹⁾ Новом. Матер. по ист. мед. IV. стр. 394.

²⁾ Арх. М. Ю. Приказ. столъ ст. № 653.

³⁾ А. М. Ю. Приказ. столъ № 734. л. 116.

⁴⁾ Арх. М. Ю. Приказ. ст. ст. № 1812. л. 1—12.

⁵⁾ Арх. М. Юс. Приказ. ст. столб. № 1812. л. — 12.

Грамотность являлась проводникомъ письменнаго заговора, а такъ какъ въ 17 в. по словамъ ак. А. И. Соболевскаго можно было встрѣчать нерѣдко грамотныхъ и въ крестьянской средѣ, не говоря уже о служилой и торговой¹⁾, то дѣлается яснымъ, что для распространенія письменныхъ заговоровъ не было препятствій съ этой стороны. Писанный заговоръ продавали; и на судебномъ допросѣ обвиняемый оправдывался не только въ томъ, что онъ никого не учивалъ, но и что воровскихъ писемъ „не продаывалъ“²⁾.

Каково же было содержаніе „еретическихъ“ писемъ, распространившихся на Руси въ 17 в.? Судить о точномъ содержаніи заговоровъ по судебнымъ бумагамъ трудно, такъ какъ подлинники въ большинствѣ случаевъ сжигались и сохранялось лишь ихъ краткое изложеніе или обозначеніе, сдѣланное дяками, но руководясь и указаніями правительственныхъ лицъ, можно составить представленіе о заговорномъ богатствѣ, находившемся въ обращеніи въ русскомъ обществѣ 17-го вѣка. Не излагая дословно описаній дяковъ, укажемъ нѣкоторые виды заговоровъ ими отмѣченные³⁾. Въ ходу были заговоры: 1) Отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ... (для) ко властямъ идущимъ, 2) отъ грома, 3) отъ грыжи, 4) на зайцы, 5) отъ застрѣленія человѣка, 6) отъ звѣринаго сѣденія, 7) отъ зубной боли, 8) отъ лиха человѣка (колдуна и т. п.), 9) для лошадей, 10) для любви людей, 11) для остуженія мужа съ женою, 12) отъ очной болѣзни, 13) для привороту женщинъ, 14) отъ всякихъ пакостей (болѣзней), 15) отъ пищальной стрѣльбы, 16) отъ притки, 17) на птицъ. 18) какъ пчель водить, 19) на руду, 20) отъ разбойниковъ, 21) отъ ружья, 22) свадебный заговоръ, 23) отъ скотскаго падежа, 24) отъ трясавицы, 25) уразной заговоръ. Кромѣ перечисленныхъ, играли роль заговора Сонъ Пр. Богородицы, рѣчи о пятницѣ, гаданіе царя Давида, молитва Арх. Михаилу. Всѣхъ перечисленныхъ заговоровъ не сохранилось въ судебныхъ дѣлахъ въ полной и точной записи, но возстановить ихъ содержаніе (по крайней мѣрѣ многихъ) возможно, такъ какъ трудно предположить, чтобы рѣшительно всѣ списки были уничтожены.

Ознакомленіе съ семейными архивами уже не разъ вело къ отысканію заговорныхъ записей⁴⁾, хранившихся изъ рода въ родъ, какъ

¹⁾ Рѣчь и отчетъ И. СПб. у-ма 1892 г. „Образованность Мос. Руси XV—XVII в.

²⁾ А. М. Ю. Приказ. столъ д. 268 л. 156.

³⁾ Очень полный перечень заговоровъ составленъ въ дѣлѣ бывшаго Новгород. Ландрихтера И. И. Мякина въ 1725 г. Дѣла Св. Синода № 211/269. Изъ этого дѣла взято указаніе на нѣкоторые виды заговоровъ.

⁴⁾ Древности, т. V. Архивъ Маслова, описанный А. И. Станкевичемъ.

лѣчебное средство: изъ сравненія же судебныхъ перечней заговоровъ и записей, сохранившихся и совпадающихъ съ описаніемъ, можно пожалуй возстановить заговоры 17-го и начала 18-го в. Не лишнее отмѣтить и то, что бывали случаи, когда отобранныя заговорныя письма, снова пускались въ обращеніе. Когда разбирадось сложное дѣло Мишки Свашевскаго ¹⁾, кончившееся смертнымъ приговоромъ для обвиняемыхъ, въ качествѣ участниковъ были привлечены между прочимъ и приказные, изъ которыхъ одинъ сознался: „что онъ письмо о грому с столбца списывать давалъ, а нашель де онъ тотъ столбець у приказа большого дворца въ приказномъ сору(?) ²⁾); такіе случаи могли и повторяться съ записями, прикладываемыми къ дѣлу. Не входя въ разборъ каждаго изъ сохранившихся въ судебныхъ бумагахъ письменныхъ заговоровъ можно сказать относительно ихъ строенія, что оно, по сравненію съ устнымъ заговоромъ, отличается сложностію и носить явные слѣды обработки и книжнаго вліянія; переписыванія внесли ошибки и искаженія, которыя и не исправлялись, какъ вслѣдствіе непониманія, такъ и вслѣдствіе вѣры въ непогрѣшимость написаннаго. Что касается до дѣйствій, сопряженныхъ съ писанными заговорами, судебныя документы иногда отмѣчаютъ ихъ, такъ же какъ и разные предметы, которые вмѣстѣ съ заговоромъ носились на груди, въ шапкѣ и т. д. По большей части это были травы, коренья, камни. Въ лѣчебникахъ, гдѣ зачастую рядомъ съ полезнымъ совѣтомъ писался заговоръ, находятся указанія, какіе предметы имѣютъ волшебную силу и въ какихъ случаяхъ ихъ нужно носить: „отъ птицъ—орель; правое ево око вынявъ носить подь лѣвою пазухою о укроченія царского гнѣву“ ³⁾.

Въ перечнѣ заговоровъ, составленномъ дьяками обращаетъ на себя вниманіе то, какъ они именовали заговоры, эти названія не ясны, вслѣдствіе отсутствія точнаго содержанія заговоровъ. Дьяки отмѣчаютъ „загорець“, „уговоръ“, „статью“; въ просторѣчьи встрѣчается терминъ „стихъ“; какая разница однако въ содержаніи или строеніи поименованныхъ такимъ образомъ заговоровъ, рѣшить трудно. Но загорець ли, стихъ, статья—всякаго названія заговоръ былъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ и его брали, гдѣ могли, не пренебрегая знаніями прохожаго и проѣзжаго незнакомаго человѣка. Вслѣдствіе этого и является невозможнымъ точно опредѣлить эти въ большинствѣ случаевъ переплетающіеся пути распространенія письменныхъ заговоровъ.

¹⁾ А. М. Ю. Приказный столъ, № 734.

²⁾ Д. 159.

³⁾ А. М. Ю. Приказ. столъ. столб. № 744. л. 189.

Не только восточные сосѣди русскихъ (татары, мордва) являлись учителями русскихъ въ волшебствѣ, но и западные (нѣмцы) передавали имъ свои колдовскія знанія. Такъ по поводу одного заговорнаго дѣла¹⁾ былъ привлеченъ къ отвѣту иноземецъ Германъ Липстеръ, взятый въ плѣнъ у Шведовъ. и онъ о заговорѣ на ружье, о которомъ между прочимъ шло дѣло, сказалъ: „какъ де онъ. Германъ, жилъ въ Алысть²⁾), и у нихъ-де охотники, ходя за птицею, тѣхъ птицъ бьютъ изъ ружья. а другіе ихъ же братья иноземцы, у тѣхъ охотниковъ ружье портятъ, и за тою ихъ порчею охотникъ изъ того ружья... птицы убить не можетъ“. Кромѣ этого заговора, текстъ котораго неизвѣстенъ, Германъ продиктовалъ своему ученику Григорію Емельянову изъ нѣмецкой книги прозваніемъ „Малицыной (?)“, заговоръ отъ пожара, состоящій изъ словъ Спасителя на крестѣ, и въ допросѣ ссылаясь на то, что „въ Алысть... ученые ихъ братья... подписываютъ на хоромахъ, гдѣ горить... Христово слово и... пожаръ перестаетъ“. Судебное дѣло было поднято изъ-за того, что иноземка же вдова Ульяна приворачивала Петра Великаго къ свояченицѣ полковника Балка... „чтобъ сестрѣ жены его Аннѣ быть за государемъ“³⁾). Такимъ образомъ заговоръ принимался отъ каждаго, его знающаго, какъ необходимое и полезное орудіе, отсюда и разнообразіе путей его распространенія. Заговоръ всѣ желали имѣть: вредный ли, полезный, страшный—это было все равно; къ обладанію его стремились, хотя практика прямо показывала все его безсиліе: „и Ивашко въ роспросѣ сказалъ... словами де пытался надъ женкою... дворовою Павловою надъ Ненилкою... и не учинилъ де онъ ничего“⁴⁾)... „а съ пытки тотъ роспопа говорилъ такіе де письма... зашилъ въ шапку и носилъ отъ людей для счастья, и счастья де ему отъ тѣхъ писемъ никакого не бывало и по его гадательству не сбывалось“⁵⁾). Но, стремясь къ знанію заговора съ одной стороны, съ другой—возставали противъ знающихъ людей, предполагая, что, если случается бѣда, то это результатъ ихъ дѣятельности.

Городъ Луховъ билъ царю челомъ на волшебника Прохора Казаринова за то, что онъ вредитъ людямъ:... „мы сироты твои всѣмъ городомъ отъ такого волшебства и женишка наши и дѣтишка... многіе исперепорчены и многіе померли“, а между тѣмъ его заговорными

¹⁾ Арх. М. Ю. Преображ. прик. оп. 287. вяз. 27. д. № 92. л. 33—38.

²⁾ Алысть-Маріенбургъ, г. въ Пруссіи на правомъ берегу Ногаты, рукава Вислы. Принадлежалъ то Польшѣ, то Пруссіи.

³⁾ Ар. М. Ю. Преобр. приказъ оп. 288. д. № 1157. л. 4—7.

⁴⁾ Арх. М. Юст. Приказ. столъ, ст. № 567 л. 202—206.

⁵⁾ Ар. М. Ю. Преобр. прик. вяз. 5. д. 26.

письмами нѣкоторые попользовались¹⁾. Правительственныя лица относились къ употребленію заговоровъ весьма строго, сыскъ велся тщательно, но рѣшеніе окончательное было различно и не всегда судъ выносилъ смертный приговоръ. Изъ этихъ различныхъ судебныхъ заключеній можно сдѣлать слѣдующее наблюдение: въ 17 в. смертью каралось такое колдовство, которое, имѣло связь съ дѣянiями преступными по существу.... „а болховичи посадскіе люди, сказали, что онъ Савка людей кореньемъ порчиваль... и Савка Курченинъ въ Болховѣ посаженъ въ тюрьму“... и велѣно было розыскать... „не умерилъ ли онъ Савка кого... отравою ли или инымъ какимъ наговоромъ и шептаньемъ“²⁾. Отпаденіе отъ вѣры, злоумышленіе противъ высшей власти связывались въ большинствѣ случаевъ съ волшебствомъ, съ употребленіемъ заговора, и въ такихъ случаяхъ „еретическія“ рѣчи и письма являлись яркимъ свидѣтелемъ преступности; тогда заговоръ особенно строго разсматривался и осуждался. Мишка Свашевскій послѣ долгаго и запутаннаго сыска былъ сожженъ; и главной причиной этой строгости были найденные у него отреченіе отъ Бога и заговоръ съ обращеніемъ къ бѣсамъ, а волхвъ Дороей заплатилъ жизнью за посыланіе по вѣтру злыхъ словъ на царя Петра. Колдовство, не имѣвшее никакихъ послѣдствій все-таки наказывалось тюрьмою, битьемъ кнутомъ, ссылкой, какъ дѣяніе, въ которомъ усматривалось безусловно злое намѣреніе. Серьезно бояливое отношеніе къ колдовству и заговору въ теченіе 17-го в. постепенно мѣняется и постановленія середины 18-го в. значительно разнятся отъ приговоровъ предыдущаго вѣка. То, что въ 17 в. каралось сожженіемъ въ срубѣ, въ 18-мъ в. вызываетъ постановленіе лишь... „подвергнуть шестилѣтнему запрещенію съ ссылкой въ монастырь, дабы онъ (виновный) сожалѣя, яко въ намѣреніяхъ своихъ онъ не Бога вся дѣйствующаго, но на бѣсовъ.... полагаля надежду, истинное приносилъ покаяніе и, упражняясь въ постѣ и молитвахъ, просилъ Всемилостиваго Господа Бога оставить его преступленія“³⁾.

Семнадцатый вѣкъ въ исторіи колдовства и заговора на Руси можетъ считаться послѣднимъ временемъ ихъ значительности. Заговоръ—эта яркая бытовая черта всего русскаго общества 17-го в. постепенно тускнѣетъ и рамки его распространенія суживаются.

Елена Елеонская.

Москва.

¹⁾ А. М. Ю. Приказ. ст. ст. № 653.

²⁾ Арх. Мин. Ю. Приказный столъ, столб. № 567.

³⁾ Дѣло Св. Синода № 422 (286). См. Описаніе документовъ Св. Синода т. XVI.